

А.В. Петров

Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова

ПРОЕКТ СЛОВАРЯ ДИАЛЕКТИЗМОВ «ЖИВОЕ СЕВЕРНОЕ СЛОВО В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ»

Стихия живой народной речи может и должна быть зафиксирована в художественном литературном творчестве, поскольку такая фиксация является надежным способом сбережения и преумножения речевого богатства народа. Цель создания словаря диалектизмов – не только разъяснить значение непонятного широкому кругу читателей диалектного слова, но и показать, как оно функционирует в художественной речи, какие дополнительные смыслы приобретает, как раскрывает свой выразительный потенциал. Художественный контекст может содержать развернутые, почти энциклопедические описания, проясняющие значение диалектизма, адекватно передающие полноту его семантической структуры.

Диалектизм, этнографизм, северный текст, контекст.

«В краю родникового слова» – назвал Федор Абрамов один из своих очерков, в котором без ложного пафоса заметил: «Быть может, самый большой, самый непреходящий вклад Севера в сокровищницу национальной культуры – это слово. Живое народно-поэтическое слово, в котором полнее и ярче всего запечатлелась душа северянина, его характер» [1, с. 31]. Действительно, Русский Север был и остается источником для изучения подлинно народного словотворчества, живого народного слова.

Стихия живой народной речи может и должна быть зафиксирована в художественном литературном творчестве, поскольку такая фиксация является надежным способом сбережения и преумножения речевого богатства народа. Идеиное содержание, образный строй произведения только выигрывают, если писатель умеет эффективно распорядиться почерпнутыми из неиссякаемого родника народной речи номинативными и выразительными средствами.

Значимость для литературы и языка диалектизмов неоспорима. Речь деревни представляет собой пласт, восходящий к истокам народной культуры, народной духовности: «Русская деревня (да и не только русская) связана с сохранением архетипа национальной культуры, национального языка, и именно поэтому так важны диалектизмы для русской литературы» [11, с. 235].

Принято считать, что образность, изобразительность, выразительность – это прерогатива художественной речи, поэтического творчества, однако разве лишена этих черт народная речь, разве нельзя в обыденном разговоре услышать меткое словечко, необычное сравнение, яркую метафору или гиперболу? У Ф. Абрамова читаем: «На Севере издревле вся жизнь, и повседневная, и праздничная, была пронизана многоцветным краснословьем. <...> А как же иначе? Как жить в этом суровом краю без опоры на чудодейственную силу слова?» [1, с. 8].

Ш.З. Галимов отмечает: «Ф. Абрамов очень ценил первоисточник языка – народную речь. Он решитель-

но не соглашался с теми, кто сдержанно, с опаской относился к народной речи, кто считал, что народные речения засоряют язык литературы, портят его. Он выступал за свободу писателя в выборе языковых средств» [6, с. 229]. Федор Абрамов считал, что «писатель должен быть не столько словотворцем, сколько словодобытчиком» [1, с. 489].

В последние годы значительно возрос интерес филологов к изучению локальных художественных сверхтекстов, которые воспринимаются формами выражения национального менталитета в его региональном варианте. На протяжении ряда лет разрабатывается учение о так называемом Северном тексте русской литературы, который отражает особый северорусский вариант национальной картины мира, создает особый мифопоэтический образ Русского Севера. К важным лингвистическим средствам создания этого образа следует отнести диалектизмы, передающие специфику региональной речи.

Живая, исконная, «родниковая» северная речь органично включается в художественный контекст произведений таких классиков северной литературы, как Борис Шергин, Степан Писахов, Алексей Чапыгин, таких ярких представителей деревенской прозы, уроженцев Архангельского Севера, как: Федор Абрамов, Николай Жернаков, Евгений Богданов, Виталий Маслов, Владимир Личутин, Юрий Галкин. Самым талантливым интерпретатором и транслятором живой северной речи в поэзии является, на наш взгляд, самобытная северная поэтесса Ольга Фокина. Северные языковые черты уместны и выразительны в стихах Вадима Беднова, Николая Журавлева, Дмитрия Ушакова, Александра Роскова. Мастерски используют диалектизмы в своем творчестве современные писатели и поэты Архангельской области: Галина Рудакова, Ирина Турченко, Владислав Попов, Ольга Корзова и др. Северную сказовую традицию успешно продолжают Татьяна Бечина, Лилия Синцова, Денис Макурин.

Необходимо отметить, что черты северных говоров в художественном контексте не представляются чужеродными вкраплениями, они являются органичной составляющей речи писателей и поэтов, для которых диалект – родной, материнский язык, они буквально «транслируют» северный говор в художественный дискурс, становясь проводником и защитником родного языка, тем самым повышая его статус.

Диалектизмы в северном тексте выполняют все традиционно выделяемые функции: номинативную – локализация изображаемых событий, создание местного колорита; характерологическую – прикрепление персонажа к определенной этнографической и социальной среде, индивидуализация речи героев; стилистическую – создание художественной образности и выразительности, а также комического эффекта; метрическую – формирование строя поэтического произведения.

На наш взгляд, назрела настоятельная необходимость создания словаря северных диалектизмов, т. е. диалектных лексических единиц, отраженных в художественном тексте. Как справедливо отмечают исследователи, «обычно при составлении диалектных словарей к писательскому творчеству не обращаются: ведь писатель творчески относится к слову, может придать ему новые значения и коннотации, которых не было в народной речи» [5, с. 10]. Кроме того, «художник слова может сконструировать в своем идиостиле единицы, не существующие в народной речи» (Там же, с. 12).

Тем не менее, следует заметить, что в качестве иллюстративного материала художественный текст все-таки используется в некоторых диалектных словарях, например, в «Словаре русских донских говоров» много примеров из произведений Михаила Шолохова [12], в «Областном словаре вятских говоров» есть цитаты из книг Владимира Крупина, Владимира Ситникова и других писателей [9]. Согласимся, что писательское творчество – не самый надежный источник диалектного материала. Однако цель создания собственно словаря диалектизмов нам видится в другом: не только разъяснить значение непонятого широкому кругу читателей слова, но и показать, как оно живет именно в художественной речи, какие функции в ней выполняет, какие дополнительные смыслы приобретает, как раскрывает свой выразительный потенциал.

Словарь диалектизмов «Донское слово в художественном тексте», содержащий более 4 тысяч словарных статей, по мнению его составителей Е.В. Брысиной и В.И. Супруна, «отражает язык региональной художественной литературы, содержит богатые этнокультурные и исторические сведения, дает представление о мировоззрении донского казачества» [5, с. 12]. Автор-составитель словаря «Народное слово в произведениях В.И. Белова» Л.Г. Яцкевич определяет его задачу так: «Раскрытие культурно-исторической значимости народного словаря писателя для понимания и сохранения национальных богатств родного языка» [8, с. 9]. Предисловие к своему словарю «Народное слово в рассказах и повестях Валентина Распутина» Г.В. Афанасьева-Медведева озаглавила «Самая русскость нашей русскости», тем самым подчеркнув истинность, глубинность, духовное богатство народной речи [3, с. 9].

Таким образом, словари диалектизмов призваны отражать сущностные, мировоззренческие пласты народной ментальности, культурно-историческую значимость народной речи. Важна и эстетическая роль диалектизмов, в полной мере реализующих свой выразительный потенциал в художественном тексте.

Николай Жернаков, характеризуя язык произведений Федора Абрамова, заметил: «Умеет наш народ, а северный человек в особенности, уместить в слове уйму понятий, зримо показать великую силу его образительности. <...> Взять у своего народа его язык, пропустить через творческое горнило и возратить тому же народу в литературном произведении – такое дано не каждому писателю» [7, с. 3]. На наш взгляд, в этом и состоит сущность деятельности народного писателя – вернуть народу народный язык, обогащенный писательским творчеством. Такое получается взаимообогащение. Как тут не вспомнить знаменитую фразу А.М. Горького о литературном языке как народном языке, обработанном мастерами.

Наиболее показательными диалектизмами являются этнографизмы, обозначающие «местные названия местных вещей». Художественный контекст может содержать развернутые, почти энциклопедические описания, проясняющие значение этнографизма, адекватно передающие полноту его семантической структуры, что, на наш взгляд, должно найти отражение в словарной статье словаря диалектизмов. Рассмотрим в качестве примера некоторые этнографизмы, используемые создателями Северного текста как номинативное и выразительное средство.

Важной хозяйственной постройкой северного крестьянского дома является **пове́ть** ‘верхнее помещение двухэтажного крытого двора’ [13, вып. 27, с. 237], которое предназначалось для хранения сельскохозяйственного инвентаря, сена, соломы, различного домашнего скарба. Художественный контекст позволяет уточнить значение слова, конкретизирует описание данного помещения.

Пове́ть чаще всего бывает просторной, на нее можно въехать на лошади с возом: *Ах, какой это был дом! Одних только жилых помещений в нем было четыре: изба-зимовка, изба-летница, вышка с резным балкончиком, горница боковая. А кроме них были еще сени светлые с лестницей на крыльцо, да клеть, да пове́ть саженой семь в длину – на нее, бывало, заезжали на паре, – да внизу, под пове́тью, двор с разными стайками и хлевами* (Ф. Абрамов) – в данном контексте наглядно показано устройство крестьянского дома, указывается расположение повети над скотным двором.

Пове́ть использовалась для хранения сена, соломы: *Вам гули да разгули, – кричала невесть откуда выскочившая Матрена, – а коровам скоро надавать на ночь будет нечего! Сена-то нету на пове́тях!* (Н. Жернаков); *Сено и солому на пове́ть до прошлой осени Пряслины подымали по взвозу, бревенчатому настилу, а осенью, когда Михаил был уже в лесу, взвоз обвалился, и корм с тех пор носили на руках* (Ф. Абрамов) – обращает на себя внимание еще одно диалектное слово *взвоз* ‘бревенчатый накат, настил, ведущий на верхнюю хозяйственную часть дома и двора’ [2, вып. 4, с. 75], по которому въезжали с возом: *Дом Степана Андреяновича, большая двухэтаж-*

ная хоромина с малой боковой избой, выходит на улицу **взвозом** – широким бревенчатым настилом с перилами, по которому в прежнее время гужом завозили сено да солому на сенник. У других хозяев **взвозы** давно уже переведены на дрова, а новые дома строили вообще без них: для одной коровы и на руках нетрудно поднять корм (Ф. Абрамов).

На поветь необходимо забираться по лестнице из сеней: *В темных сенцах на ощупь отыскал лесенку, поднялся на поветь* (Ф. Абрамов). Возвышенное положение повети позволяло в половодье спасти скот: *Люди трое суток отсиживались на крышах домов, колхозный скот погиб – во всей деревне осталось несколько коров, которых успели поднять на повети* (Ф. Абрамов).

Поветь использовали для обмолота зерна: *А теперь овинов нету (все разорили за войну) – суши снопы на печи да околачивай по снопу на повети; На поветь втащицась Марья с новой партией сухих, пахучих снопов, и Илья застучал цепом* (Ф. Абрамов). Одно из этимологических толкований слова поветь связывает его с глаголом *веять*, поэтому его первоначальное значение определяется как ‘место, где веют зерно’ [4, с. 27].

На повети спали в жаркие летние ночи: *...Не заснуть на повети – / Пахнет сено, как чай* (О. Фокина); *Лягу, как бывало, на повети, / Под затылок руки положу* (Д. Ушаков); *Белая ночь заглядывала на поветь через щели в крыше, в воротах, запертых на жердяной засов* (Ф. Абрамов) – наличие щелей свидетельствует о том, что поветь построена менее основательно, по сравнению с жилым помещением дома. Поветь не отапливалась, поэтому на ней было прохладно: *Больше всего Михашлу хотелось сейчас забраться на поветь да отлежаться в холоде на траве* (Ф. Абрамов).

Поветь находится сзади избы, по ней можно незаметно пробраться в дом: *Спи-дремли, горластый петя / Постараюсь, не споткнусь, / По задворкам, по повети / До подушки доберусь* (О. Фокина); или выбраться из него: *Знаю колхозную публику. Ты к нему в заулок, а он стрекача через поветь* (Ф. Абрамов).

Поветь могла стать местом добровольного сведения счетов с жизнью: *Кормилец – в могиле, малец в подолу. / Веревка для петли – в поветном углу* (О. Фокина); или местом любовных свиданий: *Вспомнил, как белыми ночами ездил к Варваре с Синельги, вспомнил, как под прикрытием ночного тумана крался к ее дому, карабкался по углу на поветь-сеновал, жадно иссохшими губами припадал к ее сочному податливому рту...* (Ф. Абрамов) – приложение сеновал поясняет значение диалектизма.

Поветь может восприниматься как своеобразный музей крестьянской жизни: *С поветью меня познакомил Максим в первый же день (я сперва хотел спать на сеновале), и, помню, я просто ахнул, когда увидел то, что там было. Целый крестьянский музей!* (Ф. Абрамов).

Слово поветь может употребляться и в метрической функции в поэтическом тексте: *Ладно, некогда сидеть: / Недоделана поветь!* (О. Фокина) – скорее всего, здесь речь идет о какой-то починке на повети, а не о ее сооружении.

Приведенные примеры подтверждают следующее суждение: «Диалектное слово на фоне литературной речи может становиться центральным, вбирая в себя основную мысль, создает сложный подтекст» [11, с. 255].

Одним из характерных северных предметов домашней утвари является **братынь** – ‘медная (или деревянная) посуда, ковш с носиком для подачи на стол пива или разливания его по стаканам’ [2, вып. 2, с. 106], данное наименование вызывает прочные ассоциации со словом *брат* – ‘братская посуда’, рассмотрим примеры из стихотворений О. Фокиной: *И, строг запрет нарушивши, / Скоренько нацедит / С краями – красномедную / Тяжелую братынь* – контекст указывает на размер братыни и материал, из которого она изготовлена; из братыни пили не только пиво, но и квас, и брагу: *«Ну-ко-се, жёнки, / Как он, квасок? / Уж извиняйте, / Что – из братыньки, / Не попеняйте, / Я – по старинке. / Снизлась мне ныне / Экая блажь: / Брага – в братыне... / Тоня, уважь!» – / «Ух!» – / Рукавами / Вытерты рты. / Снова с краями / Полна братынь; / Чтоб, упаси бог, не было хулы / На градус пива, на духмяность кваса, / На толщину пшеничного ломтя, / На глубину медвяную братыни... – эпитет *медвяная* указывает на предназначение предмета, из которого разливают ароматные напитки; в художественном контексте встречается вариант **братыня**: *Любовно шаньги выставляют на стол, / Пойдет братыня медная по кругу* (Н. Журавлев).*

В северных говорах употребляется и слово **братина** в том же значении [2, вып. 2, с. 105]: *Перед Панькиным и Дорофеем уже стояли чайные стаканы с водкой, братина с квасом, на тарелки навалили гору закуски* (Е. Богданов) – подчеркивается предназначение предмета; *Посиди рядом с братьями, / Выпей браги из братины* (О. Фокина) – метрическая функция; *Снега не просто стают, а вольются / И в русла рек, / И в братины озер* (Д. Ушаков) – метафорический перенос – чаши озер сравниваются с посудой.

Весьма показательным представляется северный этнографизм **прясло** – ‘звено, часть изгороди от одного вбитого в землю столба, кола до другого’ [13, вып. 33, с. 92–93]: *И прясла прежние не сладим, / Не возродим отцовский двор* (Д. Ушаков); примеры из стихотворений О. Фокиной: *У Анюшки смято прясло, / Ей – больная – не поднять*; чаще поэтесса употребляет данное слово в переносном значении для создания поэтических образов: *Что ж, молодеть – не стариться! / Из дней, где мир и май, / Десятилетий пряслица / Раздерни – и ступай* – отрезки времени; *Понимая собственное благо / Как они, а не наоборот, / Не сроню я это прясло. / Лягу / Новой жердью в общий огород* – связь лирической героини с нравственными принципами персонажей стихотворения; *Снова нотою щемящею / В городской мотив судьбы / Вплетены дымы стоячие, / Прясла мерзлотив городобы* – метафора, изображающая зимний холод, накладывающий отпечаток на душевном состоянии лирической героини.

Есть у слова **прясло** и иное значение, именно оно легло в основу фамилии Пряслины, которую дал главным героям своей тетралогии «Братья и сестры» Федор Абрамов (до появления романа «Дом» трило-

гия носила название «Пряслины»): «На Севере пряслон называют приспособление из продольных жердей на столбах, предназначенное для сушки хлеба, льна, сена. В прошлом прясла были неотъемлемой принадлежностью северных полей, так как короткое северное лето и частые дожди не позволяли высушить и сохранить хлеб на земле» [14, с. 74]: *Стоя на скамейке у прясла, она машинально наклонилась к снопам, лежавшим у ее ног, и так же машинально вешала их на жердины* (Ф. Абрамов).

Выбор этой фамилии важен для осознания идейно-художественного содержания тетралогии: «Прясло – основа народной жизни, символ сохранения хлеба, а Пряслины – могучая опора жизни деревни, ее стержень» [14, с. 75]. На одном из своих выступлений писатель заявил: «Пряслины – это соль нашей земли! <...> Они живут, они повсеместно рассеяны, по всей нашей необъятной Родине, и они та могучая опора, на которой держится наша земля» [1, с. 419–420]. Не случайно фамилия этих персонажей приобретает нарицательное значение в контексте стихотворений Вадима Беднова, посвященных памяти Федора Абрамова: *Верил он, что злой напраслины / собиратель – не народ, / что она не сломит Пряслиных / и с дороги не собьет; ...нашим Пряслиным / трудная правда / краснословий парадных нужней.*

Развернутую оценку живой северной речи как источника поэтического вдохновения дает в своей статье поэтесса Галина Рудакова, живущая в Архангельской области. Она рассуждает об использовании диалектизмов в творчестве современных северных поэтов, в своем творчестве. Статья интересна тем, что в ней дан именно взгляд изнутри, взгляд творца, интерпретатора и транслятора народной речи. Завершается статья так: «Уходит поколение наших родителей, забывается поморская говоря. Но многие слова, верю, будут жить в поэтической речи. А для того, чтоб употреблять их по назначению, надо изучать их – самостоятельно, а еще лучше – в школе. Ведь слово в музее не выставишь, чтобы потом все смогли смотреть на него. А история развития нашего языка – это часть нашей культуры» [10, с. 55].

Словарь диалектизмов «Живое слово Севера в художественном тексте» призван отразить региональ-

ные народные лексические и фразеологические единицы, используемые в Северном тексте русской литературы, раскрыть их семантическую структуру и выразительный потенциал, отметить их культурно-историческое значение, их роль в создании мифопоэтического образа Русского Севера, в формировании мировоззрения его уроженцев и жителей.

Литература

1. Абрамов, Ф. А. Чем живем-кормимся / Ф. А. Абрамов. – Ленинград : Советский писатель. Ленинградское отделение, 1986. – 526 с.
2. Архангельский областной словарь. Вып. 1–16. – Москва, 1980–2015.
3. Афанасьева-Медведева, Г. В. Народное слово в рассказах и повестях Валентина Распутина : Словарь. Т. 1 / Г. В. Афанасьева-Медведева. – Иркутск, 2017. – 432 с.
4. Барашков, В. Ф. А как у вас говорят? / В. Ф. Барашков. – Москва : Просвещение, 1986. – 109 с.
5. Брысина, Е. В. Донское слово в художественном тексте: словарь диалектизмов / Е. В. Брысина, В. И. Супрун. – Волгоград : Фортесс, 2017. – 484 с.
6. Галимов, Ш. З. Федор Абрамов: творчество, личность / Ш. З. Галимов. – Архангельск : Северо-Западное книжное издательство, 1989. – 249 с.
7. Жернаков, Н. К. Северная поэма / Н. К. Жернаков // Правда Севера. – 1972. – 15 августа. – С. 3.
8. Народное слово в произведениях В.И. Белова : словарь / автор-составитель Л. Г. Яцкевич. – Вологда, 2004. – 216 с.
9. Областной словарь вятских говоров. Вып. 3. – Киров, 2004. – 199 с.
10. Рудакова, Г. Н. «Слов родных золотая вязь». Диалектное слово в поэтической речи северян: взгляд изнутри (глазами поэта) / Г. Н. Рудакова // Семантика и прагматика слова и текста. Поморский текст. – Архангельск, 2010. – С. 50–56.
11. Сомотик, Л. Г. Диалектизмы как показатель народной духовности / Л. Г. Сомотик // Творчество В.П. Астафьева как воплощение регионального национального самосознания. – Красноярск, 2016. – С. 232–257.
12. Словарь русских донских говоров. Том 1. – Ростов-на-Дону, 1975. – 172 с.
13. Словарь русских народных говоров. Вып. 1–45. – Ленинград–Санкт-Петербург, 1965–2012.
14. Чаусова, Т. Л. Функции фамилий в романе Ф.А. Абрамова «Две зимы и три лета» / Т. Л. Чаусова // Федор Абрамов и север. – Архангельск, 1992. – С. 72–81.

A.V. Petrov

DIALECT DICTIONARY PROJECT *LIVE NORTHERN WORD IN FICTION*

Abstract: The author insists that the universe of live folk speech can and should be reflected in fiction. This reflection is considered to be a reliable way to preserve and increase the richness of people's speech. The purpose of creating a dialect dictionary is not just to give definitions of dialecticisms unfamiliar to many readers but also to show how a dialect word functions in creative writing, what additional meanings it acquires, and how it reveals its expressive potential. The fictional context can contain detailed, almost encyclopedic descriptions that clarify the meaning of a dialecticism and adequately reveal its complete semantic structure.

Dialecticism, ethnographism, Northern text, context.